

«НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ» СОВРЕМЕННОСТИ

Е.В. Кармазина

Новосибирский государственный
технический университет

Karmazin.88@mail.ru

В статье исследуется образное отображение основных трендов социальных изменений современного общества, представленное в работах известных специалистов. Анализ метафор «легкого», «тяжелого», «мягкого», «твердого» общества осуществляется в контексте проблематики философии свободы.

Ключевые слова: социальная система, свобода, аскеза, современность.

В контексте современной философии свободы особый ракурс составляет образное воспроизведение главных тенденций, характеризующих изменения в сфере взаимоотношений личности и социальной системы. Современный социальный мир меняется. Направления этих изменений в работах наиболее известных исследователей воспроизводятся не только в абстрактной теоретической аналитике, но и выстраиваются в некий образный ряд, представляющий новые качественные характеристики социальной реальности. Современность предстает как «текучая» (З. Бауман), «виртуальная» (М. Кастельс), «ускользающая» (Э. Гидденс), «резиновая» (Э. Геллнер). Эти метафоры акцентируют гибкость и изменчивость, а также многообразие, множественность, вариативность и сложность социального бытия. В них образно воспроизводится и возрастающая динамика технологических информационных процессов, создающих новое качество социальной коммуникации. Вместе с тем содержание данных образов не сводит-

ся к фиксации общепризнанных сегодня свойств социальной реальности, обусловленных последствиями информационной революции, темпом и масштабом перемен в постиндустриальном обществе. Они содержат в себе иные пласты смысла, коррелирующие с классической проблематикой «отчуждения» (аспекты неуправляемости и непредсказуемости социальных событий, создающие для индивида «общество риска» (У. Бек, Э. Гидденс), самосознания (императив возрастающей рефлексивности, конфигурации индивидуальной и коллективной идентичности, субстанциальность и реляционность Я) и ценностей (проблема долженствования, «обязующих начал», ценностей-целей, актуализированная в ситуации возрастающей изменчивости и относительности всей социальной феноменологии). Данные направления интерпретации соединяют в себе социально-философские и философско-антропологические идеи, проблематизированные, главным образом, в современной философии свободы. Особый инте-

рес представляют в данном контексте также метафоры «легкости» – «тяжести» (З. Бауман) и «твердости» («жесткости») в противопоставление «мягкости», «расплавленности», «податливости» (К. Оффе, Р. Сеннет, З. Бауман, Н. Трифт) применительно к взаимодействию социальной системы и личности. Эти образы непосредственно затрагивают тему индивидуальной свободы в ее соотношении с социальной регуляцией, вопрос о меняющихся формах взаимосвязи индивидуально-личностного (экзистенциального) и социально-системного (безличного) аспектов человеческой жизни.

Особенно глубокой и потенциально информативной в своей противоречивости оказывается метафора «легкости» – «тяжести» применительно к социальным отношениям. З. Бауман в книге «Текучая современность» характеризует развитие современного общества как движение от «тяжелой современности» к «легкой современности»¹, выделяя в качестве объективного основания стадии «тяжелого» и «легкого» капитализма². «Тяжесть» в ее первоначальном и наиболее общем смысле выступает в качестве показателя инструментов и характеристик регулирования. В тексте: «Тяжелый, фордистский капитализм был миром законодателей, работников режима и контролеров, миром мужчин и женщин, ориентированных на окружающих, преследовавших цели, определенные другими людьми заданным ими же способом. Поэтому это был мир авторитетов: лидеров, знающих все лучше остальных, и учителей, указывающих вам, как лучше делать то, что вы делаете»³. Надзор и нормативно-институциональный

контроль («надзирать и наказывать» в формулировке М. Фуко), принуждение и давление в авторитарном стиле со стороны общественного мнения, многочисленные внешние ограничения деятельности – таковы главные тяготы «тяжелого» общества ранней современности («первой современности», раннего модерна) с точки зрения возможностей самореализации и свободы личности. «Легкость» поздней современности («второй современности», «рефлексивной современности», если использовать ставшую общепринятой терминологию У. Бека) – в снятии множества внешних ограничений, в движении от принципа «законодательства» (принуждения и внешнего авторитарного давления) к принципу «интерпретации» и доминанте индивидуального выбора из множества продуцируемых и конкурирующих в социальной системе авторитетов и образцов, моделей поведения и стилей жизни. Пространство личного выбора и решения радикально расширяется – и в этом снятии множества запретов и расширении границ дозволенного заключается основной мотив «облегчения» (освобождения) жизни. Главными модусами социального регулирования в «легком» обществе становятся не принуждение и наказание, а убеждение и в еще большей степени соблазн, если принимать во внимание основные тенденции массового «потребительского» общества и массовой культуры. В «легком» обществе люди избавлены от постоянного навязчивого присмотра со стороны основных традиционных институциональных инстанций (семья, школа, церковь, государство): эти институты значительно трансформируются в направлении либерализации и эмансипации личности по сравнению с их традиционными

¹ Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – С. 124–126.

² Там же. – С. 62–66.

³ Там же. – С. 71.

формами. Трансформируются настолько, что некоторые авторы ставят под сомнение сохранение их базовой идентичности: в литературе можно встретить применительно к ним слова «зомби» (У. Бек), «хаос» (Н. Луман). Менее радикальный, но более типичный вариант оценки на примере высказывания Э. Гидденса применительно к эпохе глобализации: «Везде мы видим институты, которые внешне выглядят так же, как и раньше, носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри»⁴. Один из наиболее влиятельных и востребованных сегодня концептов изменившейся в информационном обществе социально-структурной определенности и социально-индивидуальной взаимосвязи фиксируется в понятиях «сеть», «сетевое общество» (М. Кастельс). Данные понятия маркируют изменчивость, многофункциональность и принципиальную внеерархичность социальных отношений, их «горизонтальный» характер. «Легкость» сети – в ее спонтанности, нестабильности и непредсказуемости, в отсутствии характерного для традиционных институциональных инстанций ценностного смысла и регулятивного назначения, компонентов должностования и «сакральности», имманентных императивов «верности», «преданности» и устойчивой идентификации по отношению к ним со стороны индивида. В этом смысле сетевое участие облегчает жизнь, поскольку ни к чему не обязывает. Однако следует попутно указать и на оборотную сторону сетевой «легкости»: аспект «тяжести» сетевых взаимодействий образуется их необходимостью (вынужденным характером

участия, образно говоря, «не необходимостью») – они становятся важнейшим средством доступа к основным ресурсам, универсальной формой включения людей в большинство видов деятельности, потенциально – в социальный мир вообще.

В образном языке социально-философских исследований метафора «легкости»/«тяжести» социально-индивидуального взаимодействия непосредственно коррелирует с образной оппозицией «твердой» и «мягкой» социальной системы. В значительной степени легкость раскрывается как «мягкость», «податливость», «текучесть», «расплавленность» нормативно-ролевой структуры; тяжесть предстает в качестве «твердости» и «жесткости» социального порядка. В конечном итоге обе метафоры указывают на возможности и диапазон индивидуального решения и выбора (самоопределения и самореализации) в качестве наиболее фундаментального основания свободы. В этой связи применительно к «жестким» нормативным структурам оформляется образ железной клетки. Подразумевается, что доминировавшая в прошлом авторитарно-репрессивная модель социальной нормативности, основанная на принуждении и наказании, которая в своей «жесткости» и «тяжести» может быть уподоблена железной клетке, исторически изжила себя. По мере развития общества в последние столетия, при расширении области индивидуальных прав и свобод, происходит нечто вроде размягчения, «плавления» жесткого каркаса институционально-нормативных структур: клетка сначала становится «резиновой», а затем и вовсе растворяется под влиянием социальных «сил плавления» (З. Бауман), оставляя индивида в ситуации неопределенности жизненных ориентиров и необходимости самому вы-

⁴ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – С. 35.

бирать (формировать из многообразного социокультурного материала) свой «проект» – конструируемый в сознании жизненный путь. Согласно всем базовым концепциям и определениям, это и есть свобода относительно того, насколько вообще осуществимы в реальной жизни столь фундаментальные и сложно структурированные идеи, однако именно в данном пункте рассуждений логическая схема утрачивает стройность и метафоры начинают «переворачиваться», обретая противоположный смысл. Сказывается многозначность образов и их противоречивая смысловая нагруженность в рамках вековых традиций классической литературы и философии свободы. Мысль о том, что обретение свободы означает не облегчение, а «отягощение» жизни, не нова. В своей жизни человек испытывает гнет не только со стороны «железной клетки» социальной нормативности; учение о «тяготах» свободы также имеет давнюю историю (Ф.М. Достоевский, Н.А. Бердяев, Э. Фромм). Согласно основам этого учения, самое «легкое» в социально-системном аспекте (отсутствие контроля и принуждения) оказывается самым «тяжелым» (обременительным, тягостным) в индивидуально-экзистенциальном плане: свобода превращается в тяжкое бремя, груз самостоятельности и личной ответственности становится невыносимым, что порождает массовый феномен «бегства от свободы» (Э. Фромм).

Образ железной клетки является в контексте интерпретации индивидуальной свободы и социальной системы наиболее драматичным и противоречивым. Он столь же укоренен в истории социально-философской мысли, как и учение о тяготах свободы. В свое время М. Вебер в аналогичном смысле (тяжкое бремя, объ-

ективная заданность действия и обязательность исполнения) использовал образ «стального панциря», однако в «Протестантской этике...» М. Вебера внутренняя логика схемы, связывающей между собой метафоры «легкости»/«тяжести» и «мягкости»/«твердости», является прямо противоположной заявленной выше тенденции «облегчения» и «размягчения» социально-индивидуальной взаимосвязи. Движение от религиозной социокультурной доминанты к деятельностным, профессионально-деловым приоритетам выступает, по М. Веберу, ведущей тенденцией современной эпохи и основанием присущего ей долженствования. В тексте: «По мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосылками механического машинного производства, который в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем не только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех, ввергнутых в этот механизм с момента рождения»⁵. Со ссылкой на Р. Бакстера, одного из знаменитых пуританских проповедников эпохи раннего капитализма, М. Вебер продемонстрировал вектор изменений ценностно-нормативного содержания социально-индивидуального континуума: «По Бакстеру, забота о мирских

⁵ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 126.

благах должна отягощать его святым не более, чем “тонкий плащ, который можно ежеминутно сбросить”. Однако плащ этот волею судеб превратился в стальной панцирь⁶. Образ металла (терминологическое различие железа и стали несущественно, это вопрос перевода) и в данном контексте указывает на «неодолимость принуждения», но сущность принуждения в работе М. Вебера выглядит совершенно иной, нежели социально-системные императивы «железной клетки», в частности, в ее религиозных сегментах. Вообще, вопрос о том, каким образом ковалось это «железо» и как закалялась эта «сталь», можно считать поистине философским. Если «железо» клетки ковалось из незыблемости, абсолютности социальных авторитетов, из иерархичности и репрессивности властных структур, то «сталь» панциря возникала из неодолимости изменяющихся объективных жизненных обстоятельств и признания необходимости в угоду объективным обстоятельствам абсолютные социальные авторитеты разрушать. В этой связи актуализируется тема свободы – «осознанная необходимость», согласно постулатам классической философии, есть один из главных ее предикатов. При этом сам М. Вебер оценивал эту новую социальную необходимость и порождаемую ею новую аскезу далеко не однозначно с точки зрения нравственного смысла и гуманистического содержания. В его рассуждениях на эту тему присутствуют мотивы и «оправдания», и «обвинения». Не вызывает сомнения только сам факт «неодолимого принуждения» (объективной необходимости) и аскетического смысла данного принуждения на основе принципа формальной рациональности (главного тех-

нического и экономического императива современности).

В знаменитых рассуждениях об истоках и сущности духа капитализма М. Вебер показал, что «стальной панцирь» мирской аскезы и ее современного смысла – профессионального долга (профессиональной этики) и деловой активности – не был результатом внешнего ценностно-нормативного социально-системного давления на индивида по принципу достижения «социального порядка» и «укрепления устоев» в логике традиционного авторитарного сознания. Наоборот, целерациональность (а также формальная рациональность, «инструментальный разум») мирской аскезы ставила под сомнение, подрывала и разрушала все прежние многовековые устои общества. Формирование на развалинах традиционных институтов общинности, корпоративности и религиозности целерационального этоса деловой активности, делового успеха и профессионального призвания не было движением от «тяжести» к «легкости», от «жесткости» к «мягкости» социальных отношений и регулятивов. Выдвигая лозунг освобождения личности, дух капитализма и во внутриличностном, и в интересубъективном аспектах оказывается более «жестким» (безжалостным, бесчеловечным), «твердым» (непреодолимым) и «тяжелым» (трудно переносимым, требующим усилий) по сравнению с регулятивами предшествующей эпохи. «Бесчеловечность» инструментального разума закономерна не только в силу свойственного ему всепоглощающего стремления к наживе и личной выгоде, но также по причине более глубоких и сущностных его свойств. Сущность инструментального разума – в максимизации эффективности, производительно-

⁶ Вебер М. Указ. соч. – С. 127.

сти и экономически трактуемой полезности, что требует «функционального» отношения к человеку и во многих социально-практических аспектах прямо противоречит традиционной этике милосердия и любви к людям, равно как и гедонистическим мотивам традиционных ценностных систем. М. Вебер показал, что в процессе «расколдовывания мира» моральное сознание в своих ценностных основаниях и духовно-практической нормативности прошло сложный исторический путь трансформации от религиозной аскезы с целью спасения души к мирской аскезе с целью реализации земного призвания (образно говоря, земного спасения). Жизнь изменилась, и «железный» модус долженствования переместился из религиозной сферы в сферу производства и экономики. Прежде подчинявший себе человеческую жизнь «стальной панцирь» религиозной аскезы утратил высший смысл и силу нравственных обязательств, превращаясь в «тонкий плащ», легкий в своей необязательности, а прежде столь важная, несущественная забота о мирских благах приобрела характер морального требования в той ее части, в которой была ориентирована на «труд и долг» (Х. Ортега-и-Гассет), а не только на личную выгоду.

Мирская аскеза по определению не могла быть программой «облегчения» жизни, хотя и была включена в сложный и противоречивый идейный комплекс, совмещающий в себе противоположные, аскетические и гедонистические мотивы. В одной своей части (любовь к деньгам, жажда наживы) дух капитализма требовал мирских благ, удовольствий, собственности и власти, в другой – видел основание подлинной нравственности в постоянном интенсивном и эффективном труде, пре-

данности «интересам дела» и профессиональному долгу. Закономерен вопрос о том, насколько радикальными являются произошедшие со времен М. Вебера изменения, можно ли считать, что дух капитализма в его ценностно-обязующих основах утрачен в царстве всеобщей релятивизации и потребительской свободы – в современном информационном обществе («поздней», «второй», «ускользающей», «текучей» современности). В иной формулировке это вопрос о роли в современной социальной системе формально-рационального, инструментального разума с его императивами исчисляемости, безличности, производительности и эффективности. Есть все основания считать, что модусы формальной рациональности – трудовая аскеза, напряжение усилий трудовой деятельности, целедостижение в условиях постоянно возрастающей конкуренции – занимают в структуре современного социального мира одну из доминирующих позиций. Они образуют фундаментальные основания еще более грандиозного, чем во времена М. Вебера, «космоса» хозяйственно-экономической активности, который опирается уже не на индустриально-механические, а на информационно-технологические и глобально-экономические парадигмы деятельности. Неодолимое принуждение этого «космоса» по отношению к жизненным стилям, моделям поведения, всем ценностно-нормативным структурам, пронизывающим и направляющим, «моделирующим» жизнь людей в информационном обществе, воспринимается большинством как одна из основных тягот современности и маркируется в сознании как подчинение «анонимным силам», обезличивание, отчуждение, бездушие, бесчеловечность.

Одновременно, осознанно или бессознательно, все воспринимают «космические» по масштабам объективированные структуры современного общества как огромное поле возможностей целедостижения и самореализации, не доступных людям предшествующих, более «человечных» эпох. Для большинства людей самое страшное в их социальной жизни – «остаться в прошлом», обслуживать традиционные патриархальные сегменты хозяйства и быта, не получить образования, открывающего доступ к современным сложным видам профессиональной деятельности («самопрограммируемый труд», по М. Кастельсу, включающий в свою структуру знания и информацию)⁷, не получить признания на рынке труда, который составляет один из основных социальных институтов информационного общества.

Не только динамика рынка труда и потребительских рынков, но также объективированный хозяйственно-технический и экономический «космос», неодолимо жесткий в своих базовых императивах и общих требованиях к устройству социума исходя из принципов эффективности и конкурентности, глубокой специализации и функциональности, диктует логику формирования и определяет принципы функционирования современных «легких», «мягких», «гибких», «ненавязчивых» социальных институтов. Тяготы сегодняшней «легкой» современности – это преимущественно тяготы индивидуальной свободы и трудовой (инструментально-функциональной, рыночной) аскезы. И то и другое модифицировано по сравнению с классическими образцами, однако сохра-

няет общую логику и черты преемственности. Главные трудности и тяготы, производные от общей идеи свободы и лишь отчасти видоизменяющие ее облик в «легком» и «мягком» обществе, рождаются из практики реализации принципов индивидуализации и рефлексивности. Индивидуализация рассматривается специалистами как главный тренд в развитии современного социального устройства. Императив рефлексивности, встроенный в практику индивидуализации, выдвигает на первый план в самосознании индивида проблемы персональной идентичности (целостности и автономии Я), рационального анализа жизненных ситуаций и личной ответственности за все события личной биографии. Многие авторы в разных контекстах воспроизводят данный социокультурный императив знания и ответственности в качестве одного из главных источников тягот и страданий в жизни современного человека. Базовый модус самосознания: «ты сам принимал решение, следовательно, сам виноват» (не понял, не сумел, не учел и т. д.) потенциально ставит человека в ситуацию постоянного самоанализа и самоосуждения.

На проблему неразрешимых задач и недостижимых целей – вопрос о парадоксах долженствования в современном «легком» обществе – можно посмотреть с другой стороны. Одна из классических формул свободы – «успех нашего безнадежного дела». Из невыносимых трудностей преодоления непреодолимых обстоятельств и решения неразрешимых задач рождается свобода.

⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С.496.

Литература

Бауман З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 384 с.

Болтански Л. Кьятелло. Новый дух капитализма / Л. Кьяпелло Болтански; пер. с фр. под общей ред. С. Фокина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 976 с.

Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – 2-е изд., доп.

и испр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 656 с.

Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические перспективы / Э. Геллнер. – М.: Ad Marginem, 1995. – 224 с.

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; пер. с англ. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас; пер с нем. Л.В. Воропай. – М.: Праксис, 2010. – 264 с.